

УДК 327.8

КРИЗИС МИРОВОГО ПРОЦЕССА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н.С. Таткало

Обосновывается тезис о начавшемся процессе трансформации баланса сил в системе международных отношений под влиянием девальвации значимости демократических ценностей, а также кризисных явлений в мировой экономике.

Ключевые слова: США; Россия; КНР; СССР; демократизация; рыночная экономика; постсоветское пространство.

CRISIS OF WORLD DEMOCRATIZATION PROCESS AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM

N.S. Tatkalo

The article contains objectives for the argument concerning a started process of transformation of power balance in the international relations system under the influence of devaluation of democratic values significance, as well as crisis phenomena in world economy.

Keywords: USA; Russia; PRC; USSR; democratization; market economy; post-Soviet space.

Конец XX столетия, после падения цитадели “тиранического” коммунизма СССР, был ознаменован тем, что либеральная демократия была провозглашена естественным, единственно верным и справедливым с точки зрения защиты неотъемлемых прав человека на жизнь, свободу, частную собственность политическим режимом, гарантирующим высокий уровень развития государства и общества. На волне мировой демократизации широкое распространение получило выражение Ф. Фукуямы “конец истории”, означающее, что человечество достигло пика политического развития, которое теперь должно идти не “вглубь”, а “вширь” – установление демократии во всех странах мира. В свою очередь, главным драйвером этого процесса выступали экономически и политически успешные США. Соответственно, все военные интервенции и любые виды экономического давления в отношении других стран рассматривались как “стабилизирующая” роль мирового гегемона, оправданная его исключительностью и во многом одержанной победой в “холодной войне”. Следовательно, господство в мире США обеспечивал не только арсенал “жесткой силы” – экономическая мощь и армия, но инструментарий “мягкой силы” – введенные в ранг абсолютных и неопровержимых

ценности либеральной демократии и рыночной экономики. Согласно Дж. Наю, объединение этих источников силы отражает идеологическую составляющую внешнеполитической стратегии США – “либеральный реализм”, оправдывающий военное вмешательство в любую страну мира в целях приобщения ее населения к демократическим ценностям [1]. Данное положение резко диссонирует с догмами классического либерализма [2]:

- все люди равны в своих возможностях;
- ничья гуманность не может быть оценена выше или ниже гуманности другого человека;
- свобода обуславливается установленными законами, основанными на принципах равенства возможностей и общем благе;
- если закон отходит от этих принципов, он автоматически становится инструментом частных интересов, подавляя свободу человека;
- несмотря на то, что закон структурирует общество, он является лишь отражением воли управляющих и управляемых, которые и определяют его характер и силу.

На фоне обозначенных несоответствий уже в начале XXI в. Ф. Фукуяма в своей книге “Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие”, анализируя результаты

“мировой демократизации”, приходит к выводу о том, что успешное функционирование демократических институтов возможно только там, где существуют для этого структурные условия. В противном случае неизбежны нестабильность и кризисы. К моменту написания книги очевидными неудачами закончились попытки США внедрить демократию военными методами в Сомали, Гаити, Афганистане, Ираке. На причины этих неудач указывали и эксперты Московского центра Карнеги. В частности, П. Стронски и Е. Румер отмечают, что перед государствами бывшего СССР стоит “тяжелая демократическая проблема создания институтов западного типа там, где их никогда не было”, а также тот факт, что “политической стабильности в этих странах препятствует слабость верховенства закона” [3].

Вместе с тем другими факторами, тормозящими мировой процесс демократизации, выступили:

- показательные экономические успехи КНР с ее “марксистским капитализмом”, которые указывали на возможность сочетания роста благосостояния каждого индивидуума без наличия политической свободы [2];
- правила функционирования свободного рынка, как обязательного элемента процесса демократизации, в условиях мирового экономического кризиса не только увеличили разрыв между богатыми и бедными слоями населения, как в развитых, так и развивающихся странах, но и сократили их доходы.

По данным Института МакКинли, если в 1993–2005 гг. доходы среднего класса в развитых странах устойчиво росли, а стагнация или падение доходов затрагивали только 2 % населения, то в 2005–2014 гг. в эту категорию вошли уже 60 % населения [4].

В настоящее время стало отчетливо проявляться главное противоречие глобализации: выгоды от этого процесса получает транснациональная элита, а население национальных государств сталкивается с насущными проблемами падения уровня благосостояния, которые не уравниваются возможностями свободной торговли, упрощенного порядка пересечения государственных границ или доступа к информации. Профессор Парижской школы экономики Т. Пикетти на основе анализа большого массива данных пришел к выводу о том, что исторически прослеживаемая “особенность механизма функционирования капиталистического хозяйства состоит в том, что он генерирует неравенство в доходах, которое в итоге нивелирует ценности меритократии, лежащие в основе демократического государства” [5]. При этом он отмечает “умышленную

ошибочность” выведенной в 1950-х гг. С. Кузнецом гипотезы о том, что в странах, которые стоят на нижних ступенях экономического развития в мировой градации, тенденция к усилению неравенства в доходах населения по мере роста экономики, сопровождающегося естественным межотраслевым распределением трудовых ресурсов (переход рабочей силы из отраслей с низкой производительностью труда в высокопроизводительные отрасли), сменится тенденцией к снижению. Пикетти утверждает, что данная гипотеза представляет собой “волшебную сказку”, придуманную американцами и европейцами с целью проникновения на рынки развивающихся стран, поскольку уже в 1970-е гг. рост мировой экономики в полной мере отразил присущее капитализму свойство усиления неравенства в доходах и благосостоянии [5].

В результате под сомнение была поставлена эффективность демократии как политического режима, поскольку власти демократических стран не могут остановить процесс социальной поляризации на фоне кризисных явлений в мировой экономике. В частности, в составленном САТО Institute рейтинге неблагополучных стран сам форпост демократии США стоит ниже не самых богатых стран ЕС – Словакии, Румынии, Венгрии, а первые три места занимают Япония, Китай и Таиланд [6].

В этих условиях возрастает социальный запрос на усиление роли государства в деле перераспределения доходов и гарантии определенного уровня благосостояния для всех. В этом отношении наибольшую привлекательность представляет собой модель СССР. Многочисленные социологические исследования, проведенные как российскими, так и американскими организациями, свидетельствуют о том, что одним из ведущих трендов общественного сознания населения постсоветских стран является ностальгия по советскому прошлому. В частности, согласно результатам опроса, проведенного Левада-центром в конце 2016 г. среди россиян, 56 % респондентов выразили сожаление о распаде СССР [7]. Аналогичное исследование в 2013 г. проводил Gallup Institute во всех странах бывшего СССР, кроме Латвии, Литвы и Эстонии, и получил схожие с российскими результаты в Кыргызстане, Казахстане, Таджикистане, Армении и Украине. При этом в качестве основных причин ностальгии по СССР указываются [8]:

- плюсы плановой экономики, которая предлагала финансовую стабильность в противовес рыночной непредсказуемости;
- утраченное чувство принадлежности к великой державе.

Данные результаты вызывают обеспокоенность в официальных и академических кругах

США. Эксперты Московского центра Карнеги указывают на то, что цель России как наследницы СССР на международной арене состоит в том, чтобы восстановить Советскую империю в качестве ведущего противника Запада [3]. В этом отношении она располагает двумя базисными предпосылками [7]: а) роль РФ в качестве страны-реципиента трудовых мигрантов из стран постсоветского пространства; б) низкий уровень адаптации к рыночным условиям фактически во всех бывших советских республиках.

В свою очередь, непринятие и Москвой установленных *de facto* США правил международного взаимодействия обличает, по мнению западных экспертов, в действиях России, наличие планов на превращение в супердержаву, определяющую модель мира, которую будут готовы принять, либо добровольно, либо принудительно другие государства, соглашаясь со своей подчиненной ролью.

Отсюда следует, что рост напряженности в российско-американских отношениях обусловлен тем, что Россия представляет собой идеологического конкурента США, поскольку, несмотря на то, что большинство стран СНГ после распада СССР были ориентированы на евроатлантические ценности, за 25 лет своего независимого существования никто из них, кроме стран Балтии, к ним не приобщился.

Однако поскольку полного восстановления модели СССР априори невозможно, эксперты Центра Вильсона предлагают ввести понятие “не-советское государство”, в котором восстанавливаются некоторые элементы политической системы СССР, а Россия воспринимается в качестве центра унифицированного экономического пространства, что обуславливает несовпадение его интересов с интересами стран Запада. При этом ключевая идея состоит в том, что нет унифицированной модели несоветского государства, поскольку восстановление советских практик и в целом ностальгия по СССР варьируется от страны к стране [7].

На этом фоне Вашингтон предпринимает ряд мер, направленных: а) на дискредитацию СССР; б) на перенос своего негативного имиджа на РФ; в) на подрыв российско-китайских отношений. Рассмотрим подробнее каждую из них. Дискредитация СССР проявляется, в частности, в утверждениях о том, что запретительная религиозная политика советского руководства, продолженная лидерами независимых центрально-азиатских государств, якобы результировала в радикализацию адептов ислама в странах ЦА, что негативно сказывается на перспективах эффективности борьбы мирового сообщества с терроризмом [9].

Наклеивание ярлыков на РФ характеризуется тем, что в англоязычной прессе активно про-

двигаются ничем не обоснованные тезисы о том, что: а) российский президент вершит судьбы демократий (Украина, Сирия); б) российские спецслужбы организуют масштабные хакерские атаки, нацеленные на оказание влияния на внутриполитические процессы стран мира; в) РФ нарушает нормы международного права. Однако если проанализировать действия США в ретроспективе, то можно констатировать, что с начала 1990-х гг. именно США являются вершителем судеб демократий путем нарушения международных правил (например, вторжение в Ирак в 2003 г. без санкции СБ ООН). Кроме того, существуют доказанные факты прослушивания Агентством национальной безопасности США первых лиц ряда государств (в частности, А. Меркель и Ф. Оланда).

На необходимость торпедирования российско-китайских отношений указывает американский политолог З. Бжезинский. По его мнению, США должна беспокоить возможность оформления стратегического союза между КНР и РФ. Учитывая тот факт, что влияние США в мире будет максимально высоко только при условии их тесного сотрудничества с КНР, Бжезинский полагает, что Вашингтону не следует относиться к Китаю как к врагу, поскольку у него есть возможность выбирать: если США его “разозлит” до той степени, когда он начнет искать альтернативу, он ее обязательно найдет [10]. Следовательно, долгосрочные интересы США лежат в сфере укрепления отношений с КНР и блокирования перспектив сближения Пекина и Москвы. В качестве доказательств того, что данными тезисами руководствуются официальные лица США можно отметить:

а) резко негативную оценку ими деятельности ЕАЭС на фоне одобрения “Экономического пояса Великого шелкового пути”, поскольку все большее проникновение КНР в ЦА, может спровоцировать противодействие со стороны России;

б) выход США из антикитайского Транстихоокеанского партнерства, который имплицитно указывает на стремление Вашингтона “не злить” КНР.

Таким образом, в настоящее время запущенный в конце 1990-х гг. тренд на глобальную демократизацию идет на спад, поскольку он в полной мере отразил всю палитру своих деструктивных последствий, которые испытали большое количество стран мира: а) внедрение демократических принципов зачастую осуществляется военным путем под непосредственным руководством мирового миссионера демократии – США; б) функционирование демократических институтов в ряде обществ не эффективно, а механизмы рыночной

экономики, рассматриваемые в качестве необходимого атрибута демократии, усиливают социальную поляризацию.

Соответственно, сейчас происходит падение авторитета США в мире как главного инициатора деструктивных “гуманитарных интервенций”. Постепенно в ряде стран формируется социальный запрос на усиление роли государства, которое посредством функций перераспределения материальных благ и обеспечения общественного правопорядка сможет гарантировать стабильность функционирования политической системы государства и сократить уровень социального неравенства. В целом, это напрямую противоречит национальным интересам США, поскольку сокращает возможности оказания влияния на внутриполитические процессы стран, входящих в зону их интересов. К таковым относятся, прежде всего, государства Евразии – Хартленда – контроль над которым, согласно теоретикам англосаксонской школы геополитики, обеспечит им мировое господство. В свою очередь, в этом пространстве именно Россия как правопреемница СССР выступает идеологическим конкурентом США. Ввиду этого современное состояние международных отношений характеризуется ростом напряженности в российско-американских отношениях, проявляющимся не только во взаимных санкциях, но и в агрессивном антисоветском дискурсе США на фоне имплицитных попыток предотвращения создания стратегического альянса между КНР и РФ. Следовательно, происходящие в мире события вплетаются в канву нового тренда мирового развития, характеризующегося оформлением нового баланса сил.

Литература

1. Smart Power: John J. Hamre talks with Joseph Nye and Richard Armitage. URL: <http://www.the-american-interest.com/2007/11/01/smart-power/>
2. Lee A. It's still not the end of history / A. Lee, T. Stanley. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2014/09/its-still-not-the-end-of-history-francis-fukuyama/379394/>
3. Стронски П. Россия, Украина и Евразия спустя четверть века после распада СССР / П. Стронски, Е. Румер. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=62636>
4. Авласенко И. Год “черных лебедей” / И. Авласенко. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8534#top-content
5. Pearlstein S. ‘Capital in the Twenty-first Century’ by Thomas Piketty / S. Pearlstein. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/capital-in-the-twenty-first-century-by-thomas-piketty/2014/03/28/ea75727a-a87a-11e3-8599-ce7295b6851c_story.html?utm_term=.2bdc14d869e2
6. Hanke S. The World's Most – And Least – Miserable Countries in 2016 / S. Hanke. URL: <https://www.cato.org/blog/worlds-most-least-miserable-countries-2016>
7. Holland E. From the Post-Soviet to Neo-Soviet / E. Holland. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/post-soviet-to-neo-soviet>
8. Taylor A. Why do so many people miss the Soviet Union? / A. Taylor. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/12/21/why-do-so-many-people-miss-the-sovietunion/tid=sm_fb_wd&utm_term=.c5904509bec2
9. Erickson A. How the USSR's efforts to destroy Islam created a generation of radicals? / A. Erickson. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/05/how-the-ussrs-effort-to-destroy-islam-created-a-generation-of-radicals/?tid=sm_fb_wd&utm_term=.7f7d69fa1aad
10. Gardels N. Brzezinski: America's Global Influence Depends On Cooperation With China / N. Gardels. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/zbigniew-brzezinski-america-influence-china_us_585d8545e4b0d9a594584a37